

И, бросивъ взоръ къ странѣ своей,
«Прости, отчизна золотая!—
Сказалъ: быть можетъ, въ этотъ разъ
Съ тобой навѣки мнѣ проститься;
Но этотъ мигъ, но этотъ часъ
Надолго въ сердцѣ сохранится!»...
Потомъ я быстро удалился...

Зачѣмъ вамъ сказывать, друзья,
Что было, какъ потомъ, со мною:
Скажу вамъ только то, что я
Вездѣ съ обманутой душою
Бродилъ одинъ, какъ сирота,
Не смѣя вѣтриться, какъ прежде,
Всеизмѣняющей надеждѣ:
Миръ былъ чужой мнѣ, жизнь пуста.
Ужъ я былъ въ Греціи прекрасной,
А для души моей несчастной
Ея лишь видъ отравой былъ.
День пропадалъ, день уходилъ...
Уже съ Балканскія вершины
Открылись Греціи долины;
Ужъ море синее, блестя,
Подъ солнцемъ пламеннымъ Востока,
Какъ шумъ нагорнаго потока,
Обрадовало вдругъ меня...
Но какъ спастися намъ отъ рока!
Я здѣсь нашель, здѣсь погубилъ
Почти все то, что я любилъ.

ЧАСТЬ II.

Гдѣ Геллеспонтъ сѣдой, широкой,
Плеская волнами, шумитъ—
Погрытый лѣсомъ, одинокій,
Аосъ задумчивый стоитъ.
Вънчанный грозными скалами,
Какъ неприступными стѣнами
Онъ окруженъ; ни быстрыхъ волнъ,
Ни свиста вѣтровъ не боится.
Бѣда тому, чей бранный щель
Порывомъ ихъ къ нему домчится
Его высокое чело
Травой и мохомъ заросло.
Между стремнинъ, между кустами,
Изрѣзанъ узкими тропами,
Съ востока рядъ зубчатыхъ горъ
Къ подошвѣ тянется Аоса,
И башни гордыя Легоса
Встрѣчаютъ удивленный взоръ.
Порою корабли водами,
На быстрыхъ, бѣлыхъ парусахъ,
Летали между островами,
Какъ бы на лебеди крылахъ.
Воспоминанье здѣсь одною
Прошедшей истиной живеть...
Вотъ царградскій путь идетъ
Черезъ поле черной полосой...
[Я шель, не чувствуя себя:
Я былъ въ стремительно волненн.
Увидѣвъ, Греція, тебя!...]

Кустарникъ дикій въ отдаленн
Терялся межъ угрюмыхъ скалъ—
Межъ скалъ, гдѣ въ счастья, упоеньи
Фракіецъ храбрый пировалъ,
Теперь все пусто. Воспоминанье
Почти изгладилъ тогъ времена,
И этотъ край обремененъ
Подъ игомъ варваровъ. Страданье
Осталось только въ той странѣ,
Гдѣ прежде греки воспѣвали
Ихъ храбрость, вольность; но они
Той страшной участи не знали
И дышетъ все здѣсь стариной,
Минувшей славой и войной.

Когда жъ народъ ожесточенный
Хватался вдругъ за мечъ военный,
Въ пещерѣ темной, у скалы,
Какъ будто горные орлы,
Бывало, греки въ ночь глухую
Сбирали шайку удалую,
Чтобы на турокъ нападать,
Плѣнить, рубить, въ моряхъ летать.
И часто барка въ тьмѣ у брега
Была готова для побѣга
Отъ неприятельскихъ полковъ;
Не страшень былъ имъ плескъ валовъ.
И въ той пещерѣ отдыхая,
Какъ часто ночью я сидѣлъ,
Воспомяна и мечтая,
Кляня жестокой свой удѣлъ.
И что-то новое пылало
Въ душѣ неопытной моей,
И сердце юное мечтало
О легкомъ вихрѣ прежнихъ дней
Желалъ я быть въ бояхъ жестокихъ,
Желалъ я плыть въ моряхъ широкихъ
[Любить—кого, не находилъ].
Друзья мои, я молодъ былъ!
Зачѣмъ губить намъ нашу младость,
Зачѣмъ старѣть душой своей?
Прости навѣкъ тогда ужъ радость,
Когда исчезла съ юныхъ дней.

Нашедъ корсаровъ, съ ними въ море
Хотѣлъ я плыть. «Ахъ! думалъ я,
Война, могила, но не горе,
Быть можетъ, встрѣтятъ тамъ меня.»
Простясь съ печальными брегами,
Я съ маврскимъ опытнымъ пловцомъ
Стремилъ мой бѣгъ межъ островами.
Цвѣтущими надъ влажнымъ дномъ
Святого старца—океана
Я видѣлъ ихъ,—но жребій мой,
Гдѣ свель насъ съ буйною толпой,
Тамъ власть дана мнѣ атамана;
И такъ ужъ было рѣшено,
Что жизнь и смерть—все за одно!!!
Какъ весело водамъ предаться,
Друзья мои, въ моряхъ летать;
Но долженъ, долженъ я признаться,
Что я готовъ теперь бы дать